

- // Степун Ф.А. Жизнь и творчество. М.: Астрель, 2009. 807 с.
6. Степун Ф.А. Жизнь и творчество. М.: Астрель, 2009. 807 с.
7. Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. London: Overgeag Publications Jnterchange Ztd., 1990. Т. 2. 711 p.
8. Федотов Г.П. Fedor Stepun. Das Anliz Russlands und das Gesicht der Revolution. Berlin; Zeipzig: Gotthelf-Verlag, 1934 // Новый град. Париж, 1934. № 9. С. 84-98.
9. Чубаров И.М. Зачалось и быть могло, но стать не возмогло (предисловие к «Жизни и творчеству» Ф.А. Степуна) // Логос, 1991. № 1. С. 81-103.

УДК-14

Гуляева И.Г.

Академия повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования (г. Москва)

ИДЕЯ СВЕТА В ФИЛОСОФИИ ОБРАЗА С.Н. БУЛГАКОВА

I. Gulyaeva

Academy of Professional Development and Retraining for Educators, Moscow

THE IDEA OF LIGHT IN S.N. BULGAKOV'S PHILOSOPHY OF IMAGE

Аннотация. В творчестве С.Н. Булгакова проблема света рассматривается в тесной взаимосвязи с вопросом о трансцендентности и имманентности в отношениях Бога и мира. Свет определяется им как божественная энергия – действие, раскрывающее онтологические связи между Богом и миром. Идея света рассмотрена С.Н. Булгаковым через призму учения о *Софии* как проводника божественной энергии – света – в мир. В статье большое внимание уделено раскрытию понятия «София» как фундаментально значимого для его творчества. Кроме того, идея света рассмотрена в контексте учения о божественных именах, выявляется взаимосвязь философии имени и философии образа (иконы) как философских рецепций представлений об энергийной природе света. Рассмотрены представления С.Н. Булгакова об иконе как «иероглифе имени», раскрывающем свое символическое содержание в человеке и через человека.

Ключевые слова: С.Н. Булгаков, свет, божественная энергия, София, божественные имена, икона, философия образа.

Abstract. In S.N. Bulgakov's works the problem of light is considered in close connection with the question of transcendence and immanence in the relationship of God and the world. S.N. Bulgakov defines light as a divine energy, the process that reveals the ontological relationship between God and the world. The philosopher considers the idea of light through the doctrine of Sophia as a conduit of divine energy of light to the world. The article pays a lot of attention to defining the concept of Sophia as fundamentally significant to S.N. Bulgakov's work. The idea of light is also considered in the context of the divine name theory, with the relationship of the philosophy of the name and the philosophy of the image (icon) as philosophical receptions of ideas of the energetic nature of light being revealed. The article considers S.N. Bulgakov's ideas of icon as a "hieroglyph name" that reveals its symbolic content in man and through man.

Key words: S.N. Bulgakov, light, divine energy, Sophia, divine names, icons, the philosophy of the image.

Проблема света в русской религиозной философии 20 столетия рассматривалась в различных аспектах – онтологическом, гносеологическом, антропологическом, феноменологическом – и наиболее полно была раскрыта в трудах П.А. Флоренского, Е.Н. Трубецкого, А.Ф. Лосева, С.Н. Булгакова, обосновавших в традициях концептуального исихазма – паламизма – энергийное происхождение света.

В творчестве С.Н. Булгакова свет рассматривался в тесной взаимосвязи с проблемой трансцендентности и имманентности божественного, философией имени, идеей креацио-

© Гуляева И.Г., 2011

низма как творения мира, произошедшего из слияния божественного света и материальной тьмы. Свет он определял как энергичное выражение божественной сущности, соответствующей апофатическому образу «божественного мрака». А сама материя, в непросветлённом своём состоянии, согласно представлениям С.Н. Булгакова, необходима Богу, как основа его *проявленности*, выраженности светом: «Бог существует практически лишь как энергия, Бог же в Себе просто «не существует». Он есть тьма Абсолютного, к которому неприменимо даже и бытие» [1, 144]. Апофатическое понимание невыразимости божественной сущности, идущее ещё от Псевдо-Дионисия Ареопагита, здесь нашло своё завершённое представление.

В концепции С.Н. Булгакова понятия «божественный мрак» или «Бог в своей сущности» сближались с представлением о тьме небытийной, соответственно, категория бытия относилась к пониманию Бога в его отношении к миру, но была неприменима к Богу в его абсолютности («Бог в себе»). В своих философских поисках наиболее адекватного выражения антиномичности трансцендентного («сущности») и имманентного («энергии») С.Н. Булгаков использовал категории «Бог» и «София», «абсолютное» и «относительное», «Бог в себе» и «Бог в себе другом». Он выстраивал свою концепцию метафизики, в которой «Бог есть Абсолютное – в Себе, но Абсолютно-Относительное для мира, сущее в Себе, но и вне Себя» [2, 151].

С.Н. Булгаков писал, что Бог – Абсолютное, вне отношения к своему творению – миру – есть «абстракция, условная отвлеченность». Именно «отношение к миру и бытие для мира принадлежит к образу бытия Божия, неотделимо от Него...» [2, 149-151]. «Для величества Божия недостаточно быть Абсолютным, самозамкнутым и всеисключающим, хотя и ради абсолютной жизни в Себе, ему свойственно быть Богом, т. е. Абсолютно-относительным» [2, 149-151]. Бог как Абсолютное, как творец раскрывается перед своим творением, определяя в самом себе место для относительного, тем самым «ограничивая себя своим же тво-

рением». Таким образом, в самом действии (энергии) Бог открывается для творения через благодать, через божественную энергию – свет – как деятельность Бога, неотделимую от него самого.

Использование терминов «Бог в себе», «Бог в себе другом», представление о диалектичности божественных света и мрака, их онтологической и феноменологической взаимообусловленности свидетельствовало о стремлении С.Н. Булгакова в своих религиозно-философских идеях использовать потенциал немецкой классической философии, тем самым сближая философскую традицию с религиозными интуициями, ставя их на прочный рационалистический фундамент. По существу, рассмотрение данной проблематики формулировалось им в кантовском духе: «Как возможен свет?», «Как возможно восприятие божественного света?».

«Божественный свет возникал лишь потому, что существует мир, затемненность которого позволяет проявиться свету Божества, – писал С.Н. Булгаков, – ...свет Божества невозможен без мира, точнее, без отношений, связей Бога и мира, поскольку эти отношения и связи проявляются в виде света» [5, 60]. Но для выстраивания своей концепции света он не смог обойтись без обращения к некоему третьему бытию – *Софии*. Свет он рассматривал как «несотворенные искры Божества», как обращенность Бога к миру, как проявление абсолютного в Софии. В соответствии со своими софиологическими взглядами, философ по-своему раскрывал *паламитское* понимание света Божества (энергии). Разделяя свет на божественный, ангельский и человеческий, С.Н. Булгаков в своей иерархической концепции света говорил, прежде всего, не об онтологической разнице между степенями, а делал акцент на эволюционном наполнении божественным светом, в данном случае подчёркивая в большей степени не качественное различие между божественным, ангельским и человеческим светом, а скорее количественное. Из этого следует, что преобразование человека божественным светом происходит в виде эволюционного восхож-

дения, как продвижение от меньшей степени просветленности к большей.

Идею света С.Н. Булгаков преломляет через призму идеи Софии, Божественной Премудрости, определяя Софию как «природу Божию, усию», понимаемую не только как «сила и глубина», но и как «раскрывающееся содержание», как «Всеединство» [2, 133]. Стремление к синтезу приводит его к использованию в одном идейном пространстве представлений об энергиях Бога, о всеединстве, Софии, божественном мраке, определению «Бога в себе» как *усии*, а Божества – как *энергии*, *Софии*. В его трактовке Божество – это Бог, обращенный к миру и от мира зависящий, «поскольку последний позволяет раскрыться Богу в своих энергийных атрибутах, перейти из тьмы Бога в свет Божества» [5, 60].

«Бог» и «Божество», по утверждению С.Н. Булгакова, являются взаимозависимыми категориями, выражающими отношения между Богом и миром, в результате чего энергии (свет) ассоциировались с миром, где Бог открывается как Божество, усия предстает как божественная реальность, а София – как свойство этой реальности. Он утверждал, что для четкого онтологического разделения между Божественной Усией и Софией нет основания: «Божество, и как София, есть... в той же мере, как и Усия, насколько источник жизни не может быть отделен от её раскрытия или ему противопоставлен. Божественная Усия, как София, и есть Всеединство, которое есть жизнь Божия, и которое само живёт в Боге всей Божественной реальностью» [2, 133].

Находясь между двумя онтологическими полюсами – Богом и миром, – София, как «мировая душа», является связующим началом между бытием и сверхбытием, основой их взаимообития, так как без Софии мир существовать не может: «Мир есть ничто, засеменное идеями, становящаяся София. Божественная София предвечно есть как пребывающая основа творения, имеющая неисчерпаемую мощь и глубину» [4]. С.Н. Булгаков отмечал, что изучение *софийности* мира ведет к возможности познания Софии, и уже затем через эту призму познания поз-

волит ощутить «лучи умного света Божественного, которым сама она просветлена» [4]. В результате этого взаимодействия через желание познать Софию происходит проявление Божественной энергии в мире.

С.Н. Булгаков писал о Софии: «Она есть идея Бога в самом Боге, но не в творении, не в ничто... Своим ликом, обращенным к Богу, она есть Его Образ, Идея, Имя» [4], воздействующее на творение Бога – человека. Через божественную благодать «этот Образ, Идея, Имя» находит отклик в человеческой душе, открываясь в ней, «свидетельствует и Себе в Его сознании, именуется себя, хотя и его устами; именование есть действие Божие в человеке, человеческий ответ на него, проявление энергии Божией» [3, 147-148]. Таким образом, через действие Бога, через его энергию – свет, – открываются в мире божественные имена, «имена эти суть обнаружения энергии Божией, которая говорит себя, называет себя в человеке чрез наименование. Если вообще не человек называет вещи, но они говорят себя чрез человека» [3, 147]. Так в философских построениях С.Н. Булгакова из идеи энергийности божественного света рождается понимание *именуемости* энергий (действий), их образного восприятия, а значит, и познания человеком.

В результате соединения энергий Бога и человека возникает новая реальность, при этом человеческая деятельность становится «сосудом», носителем божественной силы. Одним из имён Бога, «сосудом» божественной силы можно считать икону, образ, рождаемый деятельностью человека под воздействием божественной энергии. Энергийное наполнение иконы происходит в результате единства связи между художественным рисунком и именем Бога. «Имя есть та сущность, энергия, которая изливается на икону, – писал С.Н. Булгаков. – Поэтому и в изображении, в рисунке для иконы... имеет значение схематизм подлинника, так что вся икона, в сущности, состоит из именованья, надписи – иероглифической и буквенной. По крайней мере, именно это существенно, все же остальное, т. е. художественность, имеет

собственно для иконы вспомогательный и второстепенный характер, есть человеческое... в божественном» [3, 150].

Не только молитвенное обращение к иконе, но и сам процесс написания иконы, по мнению С.Н. Булгакова, есть раскрытие имени Бога: «Иконность в иконе создается ее надписанием, именем как средоточием воплощения слова, богооткровения. Вся икона есть разросшееся имя, которое облачается не только в звуки слова, но и в разные вспомогательные средства – краски, формы, образы: изображение в иконе есть иероглиф имени, который поэтому и должен быть определенно стилизован по подлиннику, и он получает значение иероглифической азбуки священных имен» [3, 149].

С.Н. Булгаков отмечал, что для познания Бога необходимо правильное прочтение священных знаков, символов иконы. Ведь зрительное восприятие иконы и её духовное прочтение как имени Бога не всегда доступно человеку в связи с «религиозным нечувствием, слепотой, для которой по тем или иным причинам недоступно ощущение света» [3, 152]. Трудность правильного восприятия иконы как образа Божьего заключается в том, чтобы не воспринимать икону только как художественное изображение, которому «воздается богопочитание», и в то же время отказаться от полного обожествления иконы, в результате чего разница между иконой и самим Богом теряется, что приводит к полному поглощению Божественным тварного, человеческого. С.Н. Булгаков писал, что правильное, аутентичное восприятие иконы возможно в контексте «учения о божественной энергии и воплощении слова», которое «имеет объективную, онтологическую основу в образе и подобии Божьем в человеке». «Образ и подобие – это есть реальная основа всякой иконности, осуществляемой человеком, словом ли или иным путем, краской, резцом и подобным. Благодаря тому, что образ Божий есть образ человека, а в нем и с ним и целого мира..., принципиально возможна икона как... богооткровения» [3, 148]. Именно концептуальное осмысление

символического соединения божественного образа, духовного, и изображаемого образа, материального, присущего иконе, является основой философии образа С.Н. Булгакова.

В творчестве С.Н. Булгакова свет раскрывается как божественная энергия, рассмотренная в разных аспектах, но основой восприятия этой энергии, пространством её пребывания в мире является человеческая душа, способная воспринимать божественные образы как божественные имена. «Бог не мог бы открыться камню и в камне, – отмечал философ, – но может человеку и в человеке, и чрез человека (а потому и в камне)» [3, 148]. Человек через свою творческую деятельность, свои энергии, наполняется энергией божественной и открывает для себя и для множества других людей божественные символы, имена Бога – во множестве образов и, в частности, в иконе.

Таким образом, в творчестве С.Н. Булгакова идея света рассматривается в рамках учения об энергетических связях Бога и мира, учения, объясняющего возможность преодоления абсолютности трансцендентализма. Идея света прослеживается в понимании взаимосвязи Бога, человека и мира, в их единении, в возможности образного восприятия божественных имён. Идея света в творчестве С.Н. Булгакова является одной из ключевых, поскольку в ней наиболее полно проявляются особенности его философских исканий, интуиций, заблуждений и прозрений.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Булгаков С.Н. Агнец Божий. Богочеловечество. Т. 1. Париж, 1933. 463 с.
2. Булгаков С.Н. Агнец Божий / О Богочеловечестве. Часть 1. М: Общедоступный православный университет, 2000. 464 с.
3. Булгаков С.Н. Первообраз и образ: сочинения в двух томах. Т. 2. Философия имени. Икона и иконопочитание. М.: Искусство, 1999. 448с.
4. Булгаков С.Н. Софийность твари (Космодицея) / Русская философия: конец XIX – начало XX века / Антология. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1993. С. 303-333.
5. Семаева И.И. Поиск идентичности: русская религиозная философия XX века и ее духовные основания. Балашиха: ВТУ, 2004. 220 с.